

Впредь не жалуйся президенту

Телохранитель не может ни-че-го, разве что по подсказке интуиции на долю секунды опередить пулю и заслонить собственной жизнью доверившуюся ему жизнь.

Интуиция на этот раз Глеба подвела, точнее, опоздала.

Генеральный директор топливной компании «Парфенон» Юрий Сергеевич Титов вышел из «Вольво» и, помахивая увесистым атташе-кейсом, направился к подъезду. У дверей нагнулся к микрофону радиосторожа, обронил пару слов и, когда двери распахнулись, пропустил вперед охранника Пашу. Глеб выбрался из джипа, которым была заблокирована арка, и расположился на лавочке. По рассыпанному на асфальте пшеницу важно прогуливались упитанные голуби, между ними шныряли шустрые воробушки. Сирень встряхивала на ветерке подвядшими гроздьями, шептал о своем конский каштан, шелестели липы. Две крохи, похожие в пятнистых платьицах на божьих коровок, раскачивались около песочницы на деревянных лошадаках, и на душе у Глеба Шестакова ласкалось бабье лето. Размяк Глеб Федорович, потому-то и припозднилась интуиция. Он неторопливо взглянул на часы — секундная стрелка, должно быть, отмахала полциферблата. Паша уже обследовал подъезд и сейчас подаст шефу сигнал с верхнего этажа. Точно. Юрий Сергеевич вытянул из кармана блейзера сотовый телефон, послушал и кивнул. Секундная стрелка сделала еще пять блошиных прыжков. Титов вошел в подъезд. Замыкающий охранник, Сева, внимательно оглядел двор и направился следом. Именно в этот момент Глеб ощутил укол беспокойства; похолодало под сердцем. В чем дело? Этого он не мог себе объяснить — снял с предохранителя МАК-10 и в нарушение инструкции направился к подъезду. А по инструкции ему как старшему группы полагалось оставаться на месте, осуществляя наружный контроль и координацию действий ребят из блокирующего джипа на случай, если потребуются их вмешательство. Глеб обогнул «Вольво» со стороны капота и подумал, что неладно поставлена машина — перекрывает подъезд для тех, кто остался в джипе, надо бы правее. И в это время ахнуло. Дверь выбило, словно ударом чугунного кулака, горячая волна пригнула липки, подняла в песочнице бурю, высадила на первом этаже противоположного дома стекла. В дверной проем вылетели два скомканных, обугленных тела. Первое боком перевернулось через багажник и осталось у заднего колеса в скукоженной, сиротской позе. Над черной корочкой нижней губы тлел золотой зуб, предмет Севинной гордости. Чадолубец и хлопотун Сева будто слал из царства Аида ернический привет. «Господи, на кого останутся

Маша с Антошкой?!» — Отрезвляющий морозец прогулялся по спине Шестакова, кожу на затылке стянуло судорогой. Словно разгребая вязкий студень, Глеб сделал пару шагов в сторону второго, нагнулся. Юрий Сергеевич, Юрка, Юрасик, был узнаваем разве по уцелевшим гербовым пуговицам блейзера и туфлям «Орбита» итало-испанско-израильского и черт знает кого еще совместного производства. На восходящего финансового гения и стремительно стартующего политика не было сил смотреть. Месиво.

Но лицо, начинающее округляться лицо, на котором всегда уживались лукавство и жесткость, добродушие и гнев, по странной причуде случая огонь не тронул. Оно словно вопрошало: «За что?»

Глеб снял с Юрия Сергеевича пиджак, сунул ему под голову.

Шестаков мучительно долго выдирает из бокового кармана куртки «Дельту»: телефон зацепился антенной за подкладку и никак не хотел покидать насиженное место. Глеб с рычанием рванул упрямую ткань, ожесточенно заклевал пальцем в кнопки.

— Дзержинское? Потемкинская, шесть, покушение на Титова... Да-да, того самого. Въезд со двора... На месте оставаться? — Глеб ухмыльнулся. — Это уж как получится. — Опять палец заплясал по кнопкам телефона. — «Скорая»? Потемкинская, шесть — здесь по вашей части. Очень попрошу поспешить, двое плохи... Нет-нет, не несчастный — взрыв.

Обернулся на «Вольво» и понял, что к Юре можно не спешить, и ему уже некуда больше спешить. Дыхание сперло, окружающее стало просматриваться, как через грязное стекло. С трудом с собой справился:

— Володя, Саша, давайте вверх по пожарке, осмотрите чердак. Леша, Коля, прочешите парадные.

«Скорая», «Волга»-пикап, по-утиному поводя боками, забиралась на поребрик. Аккуратно ровень с «Вольво» застопорила.

Началось мотыльковое мельтешение белых халатов, появились носилки.

Доктор, претендующий на солидность очками в тонкой оправе и молоденькой лысинкой, потрогал у Юрия Сергеевича пульс, приподнял веко.

— Есть надежда? — спросил Глеб заискивающе.

— Незначительная, — хмуро ответил старший бригады. Над Юрой склонилась сестричка со шприцем. Вернулись Леша с Колей, и по их виноватому виду Глеб понял — ничего. Кивнул на «Скорую»:

— Коля, проедешь с ними — возможно, при документировании у них появятся вопросы.

Врач в той же беглой манере осмотрел Севу, и спина у него сделалась понурой.

— Высокий процент поражения кожного покрова. Попробуем, конечно, — доктор сплюнул размокшую сигарету, — но не знаю, не знаю! — проговорил он сварливо и сделал знак санитарам.

Носилки с Титовым и Севой затолкали в кузов санитарного пикапа, бутербродом: Сева — над Юрием Сергеевичем. Коля притулился в ногах у Паши, который на волосок разминулся с безносой — слегка контузило, да подкоптило маленько. «Волга», выкатив со двора, разминулась с милицейским «уазиком». Подошли Володя с Сашей. Володя смешно пошевелил своим вздернутым носом, что случилось с ним в минуты смущения.

— С чердака это вряд ли, там на дверях решетки повешаны, чтобы бомж не просочился. Лестницы во двор выходят, но вряд ли бы они решились на них жильцам глаза мозолить. Скорее всего из окна квартиры секли, а может, и ващ-ще...

— Что — «ващще»? — раздраженно спросил его Глеб.

— Сигнал издаля подавали, из соседнего квартала, например. Радиус действия, сам понимаешь, позволяет.

Шестаков кивнул.

— Это так. Ну а машины, когда сюда подъезжали, никакой не заметили? — спросил Глеб, адресуя свой вопрос преимущественно Саше, потому что глаз у него острее. И не ошибся.

— Была такая, — охотно подтвердил Саша. — «Фольксваген Пассат» темного цвета, номер еще с «А» начинается. Погоди, погоди... — Точно, вторая цифра «два».

— А остальные, остальные! — умоляюще посмотрел на него Глеб.

— Остальные? — Саша подумал и решительно закончил: — Нет, остальные — не помню.

Если он не помнит, то остальных и спрашивать бесполезно, Саша не парень, а подозрная труба. Глеб подумал, что милосердный случай отправил семью Титова отдыхать на греческие острова, — значит, можно будет Лиду с детьми как-то подготовить к случившемуся.

Прибывшая оперативная группа шарила в парадном, замеряла рулеткой, аккуратно соскребала с асфальта в целлофановые мешочки нагар. Подошел мужик с испорченным дерганой жизнью лицом, мятым и до срока постаревшим, спросил:

— Шестаков кто здесь будет?

— Ну я, — отозвался Глеб.

— Попрошу проследовать за нами для дачи показаний, — попросил мужик и наконец представился: — Капитан Сизов.

— Это уж как водится, — равнодушно согласился Шестаков и обернулся к своим: — На сегодня все свободны. Володя, развезешь ребят по домам. Бывайте.

Глеб смотрел вслед выруливающему на проезжую часть «Чероки» и ощущал в груди тесноту. Группа, в которой так друг к другу приработались, что в словах не было необходимости, рассыпалась на глазах. Потому что скрепляющим стержнем ее был Юрий Сергеевич, и стержень тот переломился. Сашок из убойного отдела, спецназовец Сева, Павлик из «Альфы», собровцы Володя с Колей и Леша из почившего в бозе КГБ. Куда они теперь? На учет в службы занятости? Конечно, не

останутся без хлеба, но еще раз собраться вот так, когда все, как один, уже вряд ли придется.

Так думал Глеб Федорович Шестаков, сидя на сиденье «уазика» и испытывая бессильную тоску. Проклятое время!

«Уазик» въехал во двор отделения. Мешковатый Сизов, морщась, как от изжоги, выбрался из машины, распахнул перед Шестаковым дверцу.

— Прошу.

На втором этаже в приземистом кабинетике капитан снял китель. Кобуру с «макаркой», обмотав ремнями, сунул в сейф, ткнул пальцем в пупок вентилятора.

— Присаживайтесь, Глеб Федорович. — Опускаясь на стул, Шестаков отметил, что форменная рубашка на опере, цвета киселя из голубики, хоть и застирана до белесоватости, выглажена со тщанием и сидит ладно. Лоб, раздвинутый языками залысин, просторен, глаза смотрят внимательно и дружелюбно. Сизов пошуровал в ящичке стола, вытянул рыжую папку.

— Для простоты разговора я вот тут держу свою бухгалтерию. — Полистал, хлопнул по открытому месту. — Ага. Начальство ваше — человек куда как непростой. Глава санкт-петербургского банка «Тенап», на нем же — финансово-промышленная группа «Роском», топливная компания «Парфенон» тоже за ним числится. Птица не низкого полета. В регионе идет бензиновая война. А на войне как на войне. Сейчас «Парфенон» подмяла самая мощная на Северо-Западе группировка. Но я бы не торопился пристегивать это к покушению на Юрия Сергеевича как единственную причину. Тут все сложнее и крупнее. Большая нефть — это большая политика, в жернова которой и попал бедолага.

— Это как следует понимать? — подался к нему Шестаков.

— А придумано дело в Москве, попомните мое слово, — глядя на носки собственных ботинок, проговорил Сизов. — Дело такого масштаба возьмут под особый контроль, — сморщил лицо в желчной улыбке, — даже под личный контроль самого. А это, как понимаете, — абсолютная гарантия нераскрываемости...

Глеб с возрастающим интересом присматривался к загнанному неудачей в этот прокуренный закуток аналитику районного масштаба. Столь бесцеремонно обманувшего его, шестаковскую, пронизательность.

— Ну а сами вы как видите свое место в этом деле?

Опер спрятал глаза за тяжелыми, в сетке черепашьих морщинок веками.

— А нет никакого места. Я вот здесь наваялю туфты для проформы, — Сизов постучал костяшками пальцев по бланку протокола, — распишемся, а дальше материал уйдет к следакам из Генпрокуратуры и в ФСБ. Мы в таком ковыряться рылом не вышли. — Он достал из стакана копеечный карандаш, погнал его по желтому от старости листу. Верхняя губа была плохо пробрита, на колких волосках повисли бисеринки пота.

— Вот, — развернул к Шестакову лист, — прочтите и распишитесь.

Глеб скользнул по нему глазами, поставил подпись.

— Все так.

— Спасибо. — Сизов смахнул лист в ящик стола. — Напоследок хотел бы задать вам наивный вопрос. Ваш шеф не жаловался в последнее время на странные звонки?

— Не знаю, какие звонки вы называете странными, но на телефонные звонки с угрозами не жаловался. — Шестаков всем своим видом давал понять, что конца беседы ожидает с нетерпением.

— Ну а слезки за ним не фиксировали? Прослушивание, машины на хвосте, люди у офиса или дома?

— Да нет, — вяло отмахнулся Шестаков, — мы бы их сразу засветили. — Хотя... да, ребята мои заметили напротив арки, куда въезжали, темный «Фольксваген Пассат». Даже запомнили, что номер у него начинается с А-2. Послушайте, капитан, — заговорил Шестаков, оживляясь, — не в службу, если список таких машин мне организуете, премного буду обязан. Сделайте, а? — Заглянул ему в лицо, переходя на просительный тон.

Сизов погонял в губах папиросу и вернул ее в пачку, так и не закурив.

— Это легко. Ребят своих попрошу из дорожной инспекции, они моментом с компьютера снимут.

Глеб протянул ему руку.

— По коньякам?

Капитан облизнул потрескавшиеся губы.

— Идея хороша, но я в завязке.

— Жаль, — Шестаков положил на стол визитку.

— Звоните. Скорой развязки.

— Не дай бог! До свидания.

Выходил Глеб в твердой уверенности, что Сизов к капитанскому званию приписан пожизненно.

На улице поднял руку, забрался в притормозивший около него «москвичок» и попросил водителя:

— На Маршала Казакова.

У дома Глеб расплатился и поднялся к себе на одиннадцатый этаж. В квартире размером с голубятню он скинул кожанку с джинсами, повесил в стенной шкаф «МАК-10» и пошел под душ. Усталость в таких случаях сходила вместе с потом и пылью. На этот раз такого не случилось — вопросы долбили непрерывно. «Кто это сделал? Зачем он это сделал? Что за этим стоит? Бизнес? Политика? Ревность? Зависть? Долги? И куда, наконец, ему податься на случай, если взрыв в парадном обернется для его хозяина непоправимым исходом?»

Юрий Сергеевич Титов был для него не только боссом и щедрым благодетелем, а неизмеримо большим — другом и будущим компаньоном. Вернее, Глеб — его компаньоном. И это не было костью, которую растроганный хозяин кидает верной собаке, а признание за Глебом тех качеств, которые Шестаков в себе по-

дозревал, а Юрий Сергеевич сумел в нем разглядеть и в них поверить. Деловую сметку, моментальную реакцию, способность на лету схватывать суть, умение держать удар и, не мигнув, проглатывать неудачу как горькую пилюлю. Что так необходимо в российском бизнесе, этом разгулявшемся на полмира блошином рынке.

Глеб прибавил горячей воды, подставил спину, закряхтел. Кровь побежала шибче, заторопила память, и он вспомнил, как они с Сергеичем комсомолили — постигали азы аппаратной игры, учились обнюхивать людей, распознавая своих, держать удар, уважать силу. Было и другое, чистое и душистое, с кострами на берегу озера, лыжными походами и песнями: «Помнишь берег чукотский, бирюзовые льдинки, мы стояли у борта самолета «Ли-2»...» или «Снег, снег, снег, снег, милая, что тебе снится...». Отсохло это, умерло, кануло. Юра двинул на экономический в университет, Глеб, влекомый романтикой и собственной дуростью, — в Высшую школу КГБ. Через пару десятков лет Юрий Сергеевич на крутом вираже вписался в монетаристскую стихию. В рыночном шабаше, который «все рассудит, устанит и устроит», он не только выстоял, но и вышел в финансовые магнаты. Глеб же оказался в оплеванной, проклятой, расплзающейся, как гнилое сукно, организации, которая к тому же стремительно вырождалась в контору по обслуживанию бандформирований и толстомясых «новых». Не утратившие достоинства, не растерявшие к себе остатки уважения и просто неспившиеся из конторы побежали. Не расставшиеся с пагубными иллюзиями остались, в их числе и Глеб. За что и поплатился. Расследование велось по факту поступления через финскую границу контрабандного спирта, продукта исстари для России насущного и вожделенного. Негоже, конечно, было серьезному ведомству возиться с такой сугубо ларечной позицией. Но объемы «живой воды» грозили превратить Северо-Западный регион в затопленную пахучим зельем пойму. И товарищей подключили. Глеб Федорович начал рыть с надсадным долготерпением. Нити потянулись в Москву, в деле замелькали фамилии господ, не считаться с которыми было равносильно покушению на национальную безопасность страны. На что недвусмысленно намекнули Шестакову его наставники по Санкт-Петербургскому управлению. Но строптивого майора Шестакова уже несло и занесло, да так, что он был с треском выдворен из чекистского семейства и перешел в качество подследственного за «злоупотребление служебным положением и превышение власти». Глеб Федорович оказался не у дел, имея на руках прелестный колокольчик, дочку Олечку и задерганную жену, которой так и не суждено было состояться в искусстве, о жанровых контурах которого представление она имела весьма смутное. Лишь бы «при». Кормилец же стоял перед реальной перспективой отдохнуть за казенный счет. У Титова достало связей дело закрыть. Друга юности он трудоустроил в должности начальника персональной охраны. Тем более что Глеб имел немалый боевой опыт, накопленный в Приднестровье и в составе миротворческих сил в Абхазии. Позже Юрий Сергеевич обозначил перед ним перспективу равноправного компаньонства, а слово его было верное. И вдруг этот взрыв. Взрывной

волной Шестакова выкинуло из твердой жизненной колеи, а планы нормализации топливной проблемы Северо-Запада под руководством последовательного государственника Титова Юрия Сергеевича разнесло в клочья. Шестаков понимал, что нет его в том вина — ходил за Титовым, как прилипнув. Но уж если тебя приговорили, хоть в бронированном колпаке спи — уроют.

Ведь были случаи...

Бедолагу из военного ведомства, проворного и жизнерадостного, словно розовый обмылок, сняли в центре города в час пик. Высококласный специалист по баллистике рассчитал траекторию и из имеющегося на криминальном рынке оружия подобрал ствол, единственно этой траектории удовлетворяющий, — паршивенький румынский автомат, который у чердачного окна был и оставлен, вроде знака Зорро. Снайпер работал, каких в мире и десятка не наберется, — артист, ювелир. Как можно было предотвратить акцию? А никак! Или когда президент в пору своего явления народу в 90-м подъезжал с символической охраной к писательскому дому. Глеб с товарищами, в ту пору влюбленные в его статью, седину, звучный голос и прямому доводов, самостоятельным порядком организовали ему дополнительную страховку. Шестаков скользил по окнам противоположного дома настороженным взглядом и внутренне холодел: из любого могла выглянуть смерть. Чаша сия миновала Борьку-колуна, который в юности со второй линии рушил двойные блоки над сеткой. Потому что в него была вложена надежда людей подняться с четверенек.

Глеб опять заглянул в зеркало. Белесая борозда вдоль лба, память о случае, когда он успел сделать рывок назад в десятую долю секунды между тиком пламегасителя и приглушенным хлопком. Буквально тогда увернулся от пули, но добрую память на лбу о себе она все же оставила, чтобы уши впредь держал сторожко и ни на минуту не позволял себе расслабляться. Ужинный росчерк чернильного цвета вдоль правого предплечья, Глеб этот шрам так и называл: «зигзаг удачи». Потому что сухожилия уберегла меховая куртка со свитером, а то ходить бы сухо-ручкой. Казанский хлопец сработал, от Равиля. Шестаков даже имя его запомнил — Наиль. Меж четвертым и пятым ребром наложена штопка, чечен заточкой пометил. А уж по мелочам — и со счета собьешься. Вкривь и вкось перепахан. Но когда-то не повезет всерьез, и тело, навитое, как парашютная стропа из прочных, упругих жил, его подведет. Потому что не ведающее милосердия время день за днем по крупнице забирает выданный при рождении долгосрочный кредит: силу, выносливость, глазомер, реакцию, резвость мысли, приближая унылую перспективу инвалидной коляски и издевательской пенсии.

Шестаков растерся махровым полотенцем, достал из холодильника сок, закусил соломинку. Прошел в комнату, включил мерцающий глаз и повалился в кресло. На экране что-то скворчал президент. Припудренный и подшпаклеванный имиджмейкерами, он походил на персонаж театра кабуки.

Глеб потянулся к телефонной трубке. Звонок предстояло сделать Тамаре Ни-

колаевне Гордеевой, секретарю Юрия Сергеевича, с которой Шестакова вот уж второй год как связывала тесная дружба. Так уж вышло, вопреки традиционным представлениям о дополнительной роли секретарши при своем шефе — быть некоей специей в преснятине его супружеских обязательств. Юрий Сергеевич и здесь оказался попирателем традиций: идти на подобные адюльтеры считал недостойным для мужика, знающего себе цену, существует некая критическая дистанция, за которой начинает шататься авторитет руководителя, — работа есть работа. А баб вокруг и без того — море. На роман Глеба, ставшего его тенью, смотрел одобрительно, так как Тамара была между ними дополнительной стяжкой. Утечки информации не опасался: во-первых, Тамара Николаевна не грешила болтливостью, скорее это был сейф с коммерческими тайнами, подобрать к которому ключи ой как непросто; во-вторых, секретов от Шестакова он не держал. «Упакованные» побаивались ее надменной красоты, стильности и университетского диплома, отощавшие интеллектуалы — бьющего в нос гламурного шика. Ну а Глеб Федорович Шестаков с его мальчишеской поджаростью, северяниновской грустью и интересной насечкой на левой скуле пришелся в самый раз. На третий день она без долгих предисловий пригласила его отужинать в кафе «Тет-а-тет». Кто на его месте да отказался бы?

Касание пальцев в кафе «Тет-а-тет», где витали музы и пахло подогретым вином. Стрелка Васильевского острова с заиндевелою луной над Ростральной колонной и лукавыми снежинками в Тамариных волосах; «Красавица тоски беспременной, верховная владычица печали», — обращала она к луне строку Анны Андреевны. И ее губы на его приднестровской отметине — это уже в машине. Инициатива целиком перешла в Тамарины руки. Ночью он узнал, что ее кожа пахнет мятой. Утром она подняла от его груди голову, пристально посмотрела в глаза: «Годится!» — и подарила благодарный поцелуй. Глеб не испытывал угрызений совести, изменив жене, так как считал себя свободным от супружеских обязательств. За месяц до того, выслушав приговор жены о своем несоответствии, молча собрал чемодан. Работа настолько выкачивала силы, что какое уж там соответствие, ноги бы до постели донести. Было и несоответствие материальное: счастливчиков, что глазом не моргнув спускали за ночь в казино суммы размером в его годовой оклад, прибывало, и это лишало жену сна и покоя. Сезон охоты она открыла, когда за супругом захлопнулась дверь. Вскоре место Шестакова занял господин с полным соответствием.

На кого пал выбор нетвердой в своей супружеской клятве благоверной, он пока не знал, да и знать не желал. Но становилось скверно при мысли, что его преемник мог оказаться телом плюгав и умом неказист. Он оставил жене все, ушел, что называется, в одном исподнем. Купил на свои куцые сбережения, точнее, похоронные, машину скромной модели, квартиру и перебрался. Ошибочно полагая, что за дальностью расстояния боль отпустит скорее. Не отпустила — от

любой нервной спины, высокой шеи и дразнящей походки его бросало в испарину. И по ночам ему все чаще слышался смех трехгодовалой Олечки...

Глеб набрал номер. Тамара отозвалась сразу — голос приглушенный, чуть нервный:

— Да, родной.

— К девяти успеваешь?

Глеб посмотрел на часы — было начало восьмого. Рыжее солнце блестело на кромке залива, наводя на его поверхность вялый паркетный отблеск.

Тамара была минута в минуту. Сбросила ему на руки свой крылатый плащ, у зеркала тронула прическу.

— Ну, здравствуй, душа моя, — и только после этого повернулась и подставила губы. Они у нее были суховаты и слегка напряжены.

— Есть хочешь?

— Да, если этого хочешь ты. — На кухне повязала фартук, распахнула холодильник. — Не густо. Ну да ладно, что-нибудь придумаем.

За столом он так и не сумел протолкнуть в горло ни единого куска — перед глазами стояло месиво...

Тамара раскрыла сумочку, достала сложенный вчетверо листок.

— Письмо, которое Юра подготовил президенту; копия — Генеральному прокурору. Я его утром распечатала.

Глеб забегал глазами по строчкам.

«Господин Президент!

Считаем своим долгом довести до Вашего сведения ту критическую ситуацию, которая сложилась вокруг приватизации компании «Обьнефть». С передачей компании в частные руки около 80% добычи, переработки и экспорта нефти окажется в руках олигархии. Учитывая демпинговые цены, по которым нефть уходит через спецэкспортеров зарубежным партнерам, отлаженную технику сокрытия истинных объемов продажи, а также практику ухода от налогообложения, страна ежегодно будет недополучать в бюджет значительные денежные массы, что поставит под угрозу национальную безопасность России. Приватизация сопровождается рядом правонарушений, в частности, неоправданно низкая стартовая цена компании и выставление на аукцион 75 % акций «Обьнефти» вместо 50%, положенных по закону. Считаем целесообразным в этой связи процесс приватизации поставить под контроль Государственной думы и Генеральной прокуратуры.

Господин Президент! Очень надеемся на Вашу прозорливость и умение употребить власть в критическое для страны время. Ждем Вашей поддержки!

Генеральный директор топливной компании «Парфенон», член промышленного комитета Госдумы Титов Ю.С.».

Шестаков отложил листок в сторону.

— Крепко. А чего же это он во множественном числе обращается?

— Предполагались подписи нескольких видных политиков и бизнесменов. Да, еще двое патриархов от культуры дали согласие. Должно было получиться внушительно. Но... — Тамара развела руками.

— Не успел?

Она кивнула.

— Вот именно. — И неожиданно прижалась щекой к его ладони. — Жутковато как-то. Сплошной убойный конвейер, как на мясокомбинате. Постарайся быть ко мне поближе, без тебя от страха знобит... Если нетрудно.

— Я постараюсь.

Она сделала на собой усилие, лицо приняло привычное выражение снисходительной вежливости; в посадке головы появилась отчужденная гордость.

— Обрати внимание, там в углу, — указала глазами на листок, — цифра три.

— Точно, — подтвердил Глеб.

— Это значит, ты читаешь третий экземпляр. В офисе компьютер нумерует количество распечаток документа только по специальной заявке, этим управляет крошечный файл.

— Следовательно, письмо дважды распечатывалось без твоего ведома? — Глеб посмотрел вопросительно.

Она усмехнулась.

— Соображаешь... Кто-то роется в моем компьютере.

— Ты думаешь, письмо является виной случившегося?

— В значительной мере. — Тамара поднялась. — Пора. В «ноль» у охраны пересменок.

На улице забрались в ее «Ринальти», она резво взяла с места. С лета проскочили чадный район с ядовитыми заводиками и нехорошими тупиками. На Чайковского Тамара загнала автомобиль во двор особняка. В подъезде достала из сумочки ключи, сноровисто открыла щитовую, приложила палец к губам и перешла на шепот:

— Смотри под ноги.

Обойдя высокие ящики, распахнула дверцу с намалеванным на ней черепом, расколотым молнией. Обернулась.

— Липа это все. Электрикам нос сюда совать на дух запрещено, считается, что это склад аудиопродукции. — Опять повозилась с ключами. В стене открылась щель. Глеб присвистнул. Она сунула ему длиннофокусный фонарик, толстой с карандаш. — Свети.

Винтовая лестница была настолько узка, что подниматься по ней можно было только боком. Пахло пылью, известкой, печной гарью и мышами. Глеб обернулся.

Потянуло кофе, дезодорантом и духами — устойчивый офисный запах.

— Близо, близо. Раньше через этот дымоход Кочубей баб к себе таскал, а теперь вот мы шарим. — Тамара беззвучно рассмеялась.

Дверь с причмокивающим маслянистым звуком поехала в сторону, через щели пролился жидкий свет. Наружной дверью оказался портрет Бориса Николае-

вича, выполненный во весь его завидный рост, в костюме жемчужного цвета. Глеб аж оторопел, когда всенародно избранный занял свое место меж деревянных панелей, — за высокими чалдонскими скулами притаилось лукавство, сластолюбивые губы изготовились к улыбке. «Хар-рош!» — Шестаков огляделся. Ну да, там, в аппендиксе, туалет с умывальней, в противоположном конце коридора кабинет генерального и его зама, дверь в дверь. Тамара направилась туда, Шестаков — следом. Пока возилась с замком, Глеб с опаской думал, не забыла ли она заблокировать в кабинете сигнализацию, когда уходила из него? Не должна. Офисная охрана укомплектована из ребят частной фирмы «Пума», Шестакову не подчиняющихся. Злые, как цепные псы, и перед тем, как спустить курок, размышлять не привыкли. Дверь наконец распахнулась, Тамара коротко мотнула головой:

— Сюда!

Окна в кабинете были зашторены, воздух сохранил привкус хорошего табака. Свет не включали. Двигались на ощупь, по игольчатому лучу фонарика. Ткнувшись в прохладное, слегка запотелое тело сейфа, Глеб обернулся.

— Последний код?

— Номер моего и своего телефона, набирай подряд.

Глеб пощелкал диском, в верхней скважине ключ повернул на два оборота, в нижней — на полтора. Щелчок — дверца сейфа бесшумно подалась. Тамара через его плечо взяла с верхней полки папку.

— Готово!

И одновременно в коридоре послышались шаги. Глеб успел толкнуть ее за штору, сам встал за створкой двери. Грузные шаги промерили приемную, темноту кабинета рассекла полоска света. Выручило то, что выключатель находился справа от двери, Глеб стоял слева. Охранник, шаря рукой по стене, повернулся к нему спиной, и Шестаков срубил его коротким ударом ладони под левую мочку уха, носком двинул по сухожилию за коленом. Страж рухнул, опрокинув кресло.

Несколько секунд на сейф и — тем же путем назад, по коридору.

Уходили спешно, «через президента», который подвинулся, повинувшись замысловатому жесту Тамары у верхней пуговицы его пиджака.

Машину отогнали к Фонтанке, и там Тамара раскрыла папку.

— Так я и думала!

— Что?

— Здесь его доклад на Думском комитете и перед депутатами Законодательного собрания города.

— О чем?

— А это уже в спокойной домашней обстановке. Сейчас — ко мне.

Начиналось второе, августовское цветение белых ночей с их грустной, вянущей красотой. Ночь, как на крыльях, перенесла на Мойку, 8. Тамара качнула Шестакова плечом.

— Проснись, поэт, недолго до рассвета.

Дома приготовила чай по рецепту, от которого, по ее выражению, развязывались нервы, достала коньяк. Терпеливо выждала, пока он не изучит содержимое папки.

— Ну, как тебе?

— По-нят-но, — протянул Глеб с расстановкой. — Выходит, всем Сергеич попереk горла встал. «Обънефть» не отдает приватизаторам свою топливную компанию — авторитетам, газовым магнатам натянул бы нос с Балтийским транзитом. Даже законодателей против него взъерошил.

Тамара посмотрела на него с жалостью.

— Поэтому не лезь ты сюда — как муху прихлопнут. А Юру все равно не вернешь. Переедешь ко мне, за городом отстроимся, десяток лет хотя бы пожить для себя имеем право?

Глеб хлебнул остывший чай, не чувствуя вкуса.

— Знаешь, отчего нас по макушку в дерьмо опустили?

— Знаю, но не скажу.

— А потому, что за семьдесят лет из нас сделали тараканов. Когда требуется всем миром встать, всяк в свою щель норовит. Нет у таракана ни гордости, ни достоинства, ему бы только крошки да свою щель. Вот и дождемся, когда нас всем скопом соберут и — дустом.

Тамара положила голову ему на колени.

— Пошли спать, денек завтра будет — не хватит дыхания.

Глеб сдвинул с ее уха прядь — оно было нежным до прозрачности, словно выточенная из розового мрамора улитка. Нагнулся, тронул губами.

Она встала и, движением плечей сбросив халат, направилась в спальню. Бисерная сыпь родинок на лопатках ожила, замшевое шиканье бедер сопровождало ее ленивые шаги.

Глеб наполнил рюмку, хотя знал, что таким способом ему сна не подманить. Но и идти за Тамарой сегодня не хотелось. Из спальни заструилась меланхолическая мелодия, флейта резала своими жалобами по живому.

Это Тамара поставила своего Энрике Тозелли, серенаду. Лежала поверх атласного покрывала с погасшей сигаретой и плакала сухими слезами, потому что нормальные давно уже выплаканы. И еще потому, что в этот вечер флейта пела реквием по Юре.

«А еще Россия кормится от ритуальных услуг, тем более что спрос на таковые в связи с монетаристским разгулом неуклонно растет. В длиннющей веренице от представительных, благообразных воротил кладбищенского бизнеса до виртуозов штыковой лопаты — всякому перепадает свое...» — Такие приблизительно мысли приходили в понурую голову Шестакова, пока он смотрел, как загорелые детишки, широко раскорячившись, стравливают в яму рук брезентовые ремни. Отзвучали приличествующие моменту скорбные речи думских депутатов, депутатов

Законодательного собрания города, чиновников мэрии, чьи вальяжность и гладкость никак не ложились в русло отработанной режиссуры «проводов в последний путь». Оркестр, некогда знававший в залах «Метрополя» лучшие времена, отбил по хмельной ошибке несколько тактов рэг-тайма, но, спохватившись, перешел на траурный маршевый размер. Пахло сырым песком, подвядшей бузиной, пригревшейся на солнце сосной. Закрой глаза, и ты не на Северном кладбище, а в сладкой, как медовый пряник, Юрмале. Но сомкнулись и разошлись тарелки, отпустив звонкий, трепещущий звук; труба возвела к небу скорбный плач, и на лакированную крышку последнего прибежища Юрия Сергеевича упали комья земли. Похоронная процессия двинулась к машинам, оставив за спиной пышный холм полыхающих под отвесными лучами солнца гвоздик. Из цветов с портрета смотрел с укоризной в спину уходящим последний из номенклатурных могикан, наивно уверовавший в воскрешение России.

Поминали в просторной квартире Титовых. Притихшие были гости после первой-второй воспрянули, приободрились — зажурчали речи. И чем постнее они были, тем горше на душе у Глеба становилось. В конце концов, Юрий Сергеевич расчистил конкурентное пространство, особых оснований горевать у них не было. Взгляд Глеба загулял по лицам собравшихся — ни единое не задерживало выражением искреннего горя. Разве, пожалуй, губернатор: его сановная статья как-то накренилась, в лице добавилось унылости. Видно, усматривал в случившемся элемент назидания для себя. Взгляд миновал его, как досадный ухаб, и покатил по наезженным выражениям приличествующей моменту хмурой строгости. Крутил воробьиной головкой министр ТЭКа; девчоночьи губки завязали в единый бантик опасную хитрость, насмешку и торжество. Шушукались два думских депутата из блока с прохуdivшейся и поехавшей крышей. Лидер блока с крепко вбитой в плечи, стриженной ежиком головой зыркнул на них строго — притихли. Из мэрии братья — как под одну гребенку стриженные, за ними — синекурно-полномочный представитель президента по Санкт-Петербургу, весь словно ножичек направленный, со своей вечно виновато-стыдливой улыбочкой... Шестаков, наклонившись к уху вдовы, спросил осторожным шепотом:

— Лида, как ты теперь? Куда?

Лидия Тимофеевна вяло повела плечом.

— А бог его знает, преподавать, наверное, пойду. Дома-то уж точно сидеть не буду, — ответила, рассеянно разминая вилкой кутью.

Горе за эти дни подсушило ее, вытянулась шея, в профиле обозначилась птичья заостренность, на висках пробилась седина. Глеб с трудом продышал набухший в груди ком, для верности сделал затяжной глоток водки.

— Ты можешь всегда звонить мне круглые сутки. Зови почистить картошку, подмести, забить гвоздь — я приду.

Она погладила его по руке.

— Спасибо, Глебушка...

Он покосился на левый край стола, откуда тянуло на него холодком. Первый милиционер города налился от выпитого тяжелым, сизым румянцем. Ведающий федеральной безопасностью насупился: свершившееся подкинет им работенки. Глеб посмотрел на притихших Максимку и Лизу — похоже, они так и не поняли, что произошло. Столкнулся взглядом с губернатором и, подчиняясь его требовательному нажиму, поднялся. Понял — его слово.

— Он попал в шестеренки, которые не отпускают. Знал, что рано или поздно это произойдет, но от своего не отступился. Бесполезно говорить о возмездии, это — штука адресная, а адрес неизвестен. И не будет известен! — Шестаков повысил голос. — Пусть уж лучше каждый из нас станет немного честнее, храбрее и добрее. Это будет возмездием за него и памятью о нем. Земля ему пухом!

Глеб проглотил водку, как касторку, и стал пробираться к выходу.

За спиной его висело неодобрительное молчание. А, плевать!

В парадной свежий запах краски напоминал о недавно случившемся. Опять перед глазами возникла обуглившаяся голова Севы, которого вчера со стыдливой торопливостью предали земле на Южном. Все, отбегал свое. Надо, чтобы за Веркой с Антошкой ребята по очереди приглядывали. С Павликом получше, только вот когда еще оклемается? Эх-хе-хе.

— Глеб Федорович!

Шестаков с неудовольствием обернулся — меньше всего ему сейчас хотелось с кем-либо разговаривать. Заместитель Титова по коммерции Кожаринов Вениамин Павлович спешил вниз по ступенькам. Лицо распаренное, щеки плещут, галстук сбит набок, полы лимонно-желтого блейзера раскиданы.

— Ну нельзя же так. Мало того, что отбыли по-английски, еще и на таких скоростях, что не угнаться, — проговорил, опыхиваясь. Проворно забежал вперед, распахнул дверь. — Я бы вас, Глеб Федорович, хотел пригласить посекретничать на пяток минут. Не откажете?

Глеб равнодушно кивнул.

— Пожалуйста, если это важно.

— Исключительно! — Кожаринов поднял указательный палец. — Оч-чень!

Распахнул дверцу своего «шестисотого», пропустил Шестакова, забрался сам, повернулся, облокотился на руль.

— Юрий Сергеевич за четыре дня до случившегося с ним настоял на правлении на вашем долевым участии в учредительском капитале «Парфенона». Теперь, Глеб Федорович, вы — пайщик, и это закреплено соответствующим пакетом документов. Вы довольны?

— Юру этим не воскресишь, — ответил Шестаков угрюмо.

Вздых прошел через Вениамина Павловича, словно ершик через печную трубу — нутряно, продиристо, натужно.

— Что верно, то верно, иного ответа от вас я и не ожидал. Но вот о чем хотелось бы с вами посоветоваться. Напомню, «Парфенон» — это площадка для опо-

ры «Уйгурнефтегаза» и на Северо-Западе, а «Уйгурнефтегаз» входит на правах дочернего предприятия в «Обьнефть», приватизация которой не за горами. «Парфенон» поглотила...

— Братва, если обходиться без вывесок, — подсказал Шестаков.

Кожаринов охотно покивал.

— Вот именно, вот именно. А знаете, кто за ними стоит? — Не дожидаясь ответа, мечтательно поднял глаза: — О-оо! Второй человек в России. Вслух не произнесу: озвученные имена мстительны. Понимаете, под какой мы теперь крышей? — Он сложил ладони домиком, лицо умильно залоснилось.

— Со шпаной не работаю! — отрезал Глеб.

Кожаринов посмотрел снисходительно.

— Это у вас пройдет. Такая крыша — залог процветания фирмы. А название... да бог с ним, суть важна. Но вот какая незадача... — опять последовал вздох, — «Хейно» упирается, а ведь это почти тридцать процентов бензинового оборота. Без нее под новую юрисдикцию нам не уйти.

— Ну так что? — спросил Глеб нетерпеливо. В нем начинало бродить раздражение.

— Прохоров Анатолий Семенович испытывает к вам горячую симпатию, — по-кошачьи начал подкрадываться Вениамин Павлович к главному, — вы высказываетесь о нем только в уважительной манере. Словом, поговорите, — закрутился Кожаринов, и глаза его выпачкали линзы очков елеем.

Глеб молчал.

— Понимаете, днями в «Хейно» прошло собрание акционеров, — принялся заходить Кожаринов с другой стороны. — Финских представителей вывезли за пределы города и продержали сутки в неизвестном месте. Акционеров от «Уйгурнефтегаза», заметьте, основных, на собрание не пустили, а тело их юриста в тот же день было отловлено в Мойке прогулочным катером. Тем не менее нескольких голосов не хватило, окончательное решение — за Анатолием Семеновичем. Поговорите. — В глазах Кожаринова была гипнотическая сила принявшей боевую стойку кобры.

— Я в эти игры не играю. — Шестаков взялся за ручку двери.

— Обидно. — Кожаринов сплел ладони в жесте сожаления. — Тем не менее, собрание акционеров у нас — последний день каждого месяца, присутствие обязательно. Со своими учредительными документами можете ознакомиться в любое удобное для вас время. Вас подвезти?

— Спасибо, вон моя машина. — Глеб кивнул.

— А это? — Вениамин Павлович щелкнул себя пальцем по горлу.

— Американское средство — полтаблетки и никаких проблем. Так и называется: ноу смел.

— Хорошо, — мурлыкнул Вениамин Павлович. Толкнул дверцу.

— До свидания. — Глеб вышел и направился к своей машине.

Кожаринов задумчиво посмотрел ему вслед.

«Жигуленок» Шестакова фыркнул и укатил. Из стоявшего перед ним пикапчика выбрался молодой человек в выгодно подчеркивающих талию и округлый задик слаксах и направился к «Мерседесу». Бесцеремонно распахнул дверцу, плюхнулся на сиденье.

— Привет, старче.

Вытянул из непредложенной ему пачки «Кента» сигарету, сплюнул на улицу, чиркнул зажигалкой, исполненной фаллической символикой, пустил дымок.

— Какие вопросы?

— Видал его?

— Как тебя.

— Прилипни к нему и не отпускай. Каждый шаг срисовывай. Информировать будешь два раза в день. В четырнадцать ноль-ноль и двадцать два. Прозеваешь, тебе в попку вместо этих, — Кожаринов ткнул пальцем в похабную зажигалку, — угольков горячих натолкаю. — Запустил красивому волосатую лапу под рубашку, порылся, скользнул по шее, большим пальцем надавил на нежный кадычок. На другую руку намотал воронового отлива косу со вплетенной в нее голубой ленточкой. — Секешь, целочка?

— Пятьдесят баксов в день и без грубостей.

— Хватит с тебя и половины. — Палыч обвел пальцем его чувственный рот. Молодой человек легонько прикусил пальчик.

Шестаков чертыхнулся и, выдрав из подушки голову, взял телефонную трубку.

— Здравствуйте, мне Глеба Федоровича, — потребовала трубка низким, с легкой сипотцой голосом.

— У аппарата.

— Извините, не сразу узнал. Сизов звонит. Записывайте.

Глеб вслепую нашарил на нижней полочке телефонного столика карандаш, потянул к себе старую газету.

— Весь внимание.

— «Фольксваген Пассат» цвета «мокрый асфальт», номер начинается с «А», вторая цифра «два». В городе таких два. Первый, А-ноль-двадцать два, ка-эс-семьдесят восемь, принадлежит Песчанскому Аркадию Мироновичу тысяча девятьсот сорок второго года рождения, предприниматель, генеральный директор фирмы «Борус», проживает по адресу: Пятая Советская, дом тридцать пять, квартира четыре. Записали?

— Слово в слово.

— Рабочий телефон: сто двенадцать, пятьдесят пять, семьдесят восемь. Теперь относительно второго. Номер А-четыре-двадцать пять, «Ч», «Е» тире семьдесят восемь. Записали? Щукин Леонид Антонович, исполнительный директор фирмы «Абрис», проживает по адресу: Московское шоссе, дом шесть, квартира сто сорок восемь, телефон: триста двадцать один, ноль, семь, семьдесят де-

вать. Кто-то из этих двоих. Да, и еще не исключен ваш скорый вызов в органы безопасности. Дело по факту там заведено.

— Спасибо, капитан, теперь знаю, от чего танцевать.

— Чем могу. Удачи.

Трубка заняла, и Шестаков пожалел, что не успел отблагодарить путевого мужика, проявившего столь редкую по нынешним временам верность своему слову. Подумал и набрал номер офиса «Хейно». Наперекор усвоенному правилу: если тебя ищут, то пусть и ищут, не навязывайся, а то сойдешь за лоха, секретарша прочирикала, что Анатолий Семенович едет с дачи, уже должен быть, но почему-то задерживается. Опаздывает, что не в его правилах, и сюда не звонил, хотя и собирался, что опять-таки на него не похоже.

Глеб принялся торопливо одеваться. Прохоров где-то зависает. Рывком натянул джинсы, схватил куртку и хлопнул дверью квартиры.

Часы в машине показывали 11.12.

За два часа до того Анатолий Семенович Прохоров выезжал со своего дачного участка в местечке Александровская курортной зоны Санкт-Петербурга. Утро выдалось свежее и душистое, по случаю чего дрозды в кронах обильно уродившейся черноплодки устроили крикливый разбой.

Прохоров погнал свой SAAB в сторону озера, хотелось перед работой освежиться. Договора шли косяком, потому отпуск ему в этом сезоне никак не светил, любую возможность слегка расслабиться надо было использовать на полную. На фирму свою он отзвонился, предупредил, что задержится. Оставалось переговорить по мобильной связи с Шестаковым, верным человеком безвременно убиенного Сергеича, на поминании которого Прохорову поприсутствовать не удалось из-за командировки в Финляндию. Хотелось показать Глебу Федоровичу письмо, которое он по приезде получил. Тон письма и смешил, и настораживал — надо было посоветоваться. Ладно, позже. Прохоров перестроил внимание на дорогу, где куролесил на мопедике пацан в бейсбольной кепочке козырьком назад и футболке с аршинными буквами на спине: «Вечный кайф!» «Нет, что делает, чертенок! Что де-ла-ет!» — восхитился-возмутился Анатолий Семенович. Пацан писал восьмерки, поднимал своего коня на дыбы, катил, положив ноги на рогатый руль, скрестив на груди руки. Это был бесплатный цирк.

Перед железнодорожным переездом притормозил, пропустил идущую по главному пути «Волгу». В момент, когда Прохоров, включив указатель правого поворота, плавно вывернул руль, отставший было балбесик резко газанул. Обходил SAAB на высшем пилотаже, раскинув руки и чуть отвалившись в седле назад, словно король родео; в правой руке бабочкой трепыхалась кепочка. Бабочка нырнула в салон SAAB через приспущенное стекло и тотчас вылетела, будто ее там лизнуло пламя. Треск мопеда и грохот накатившей электрички покрыли легкий хлопок. Шалун поехал прямо, SAAB, слепо рыскнув по встречной полосе, съехал в кювет и заглох.

Виртуоз-наездник на заросшем лебедой и лопухами пустыре содрал с себя парик, снял с лица марсианские очки, сунул все это в простреленную бейсболку. Китайский «ТТ» с глушителем, чья цена в базарный день не выше двухсот зеленых, — туда же. Морщинистого пергаментного личика коснулась легкая грусть. Человечек подумал и отправил сверток в старый люк с предусмотрительно сдвинутой ржавой крышкой. В утробе люка бормотала гнилая водица. Игрушечный мопедик он погрузил в багажник притаившейся за трухлявым срубом «Тойоты». Поверх футболки «Вечный кайф!» натянул просторную кремовую куртку. Из нагрудного кармана достал надушенный платочек, промокнул увесистый, как бульжник, лоб. Ни души. Сплюнул, сел за руль, включил зажигание и степенно покатил.

Голова Анатолия Семеновича Прохорова покоилась щекой на руле. На светлом велюровом коврике расплывалось пятно цвета перестоявшей клюквы.

Дрянное предчувствие заставляло Глеба торопиться.

Стрелка спидометра кренилась к 100. Остались за спиной бесконечные Лахтинские болота. Последний раз мелькнула среди ольховника шершавая, как наждак, полоска Финского залива. Гони, гони, кнутом нащелкивай! Прохоров у братвы, словно кость в горле. Только ли у братвы? Им такой кусок, как «Жейно», самим не переварить, здесь Москва просматривается. Вывозить в Финляндию по наработанным каналам нефтепродукты, а оформлять как мазут — это тысячепроцентный навар. Нет, не освоить братве такой гущи, тут несварением попахивает. Значит, все-таки Москва... Затягивающийся на Прохорове узел одним своим кончиком связан с трагедией Титова. Гони! Пронеслась платформа «Ольгино», за которой последовал прямолинейный участок с односторонним движением, на нем можно отменно порезвиться после городской транспортной суеты. Инспектора обожают посидеть во-оон за тем кустом ракитника, стриженного шаром. Глеб предусмотрительно сбросил скорость, а при выходе на главную магистраль с широким сектором обзора опять надал. И в этот момент, когда резко свернул с шоссе, прямо в лоб ему полетел широкий и приземистый, как сани-розвальни, джип «Шевроле». Глеб обошел его слева, но пространство для маневра было слишком узко. Ударил по тормозам — его развернуло и потащило боком, через завесу из пыли и песка на встречную полосу. Визг, скрежет, лягз, чья-то оскаленная морда за стеклом. Гудки, мат и после короткой одури — свесившееся в салон лицо инспектора с белесыми от ярости глазами.

— Тебе что, жить надоело?! Документы! — И, обернувшись, кинул кому-то за спиной: — Потапов, срочно его на наркологический контроль!

Переходя в гаишную «шестерку», Глеб боковым зрением зацепил за стеклом джипа ухмыляющуюся физиономию, приторную до тошноты, с кукольными ресницами и ярким румянцем.

Посредничество муз

Казалось, солнце не выдержало жары, которую само же и нагнало в Эль-Пасо, эту западную духовку, и сбежало за тысячу миль отдышаться.

Рамзей отжал пластмассовую полоску жалюзи, посмотрел на горизонт. Сколь хватало глаза, простиралась безнадежно плоская равнина, над которой висело жидкое, дрожащее солнце. Этим летом оно словно взбесилось; Рамзей подумал, что, обсадив свой дом карликовыми пальмами и лопоухим раскидистым бананом, он поступил куда как разумно. Второй фонтан-вертушку надо установить у задней стороны дома — той, что смотрит на реку Тринити. Обернулся. Майкл выжидательно смотрел на него из кресла.

— Итак, какие объемы? — спросил он нетерпеливо.

— Хьюстон запрашивает миллион баррелей ежемесячно в течение года. В пересчете на русские меры это составит сто пятьдесят тысяч тонн нефти-сырца в месяц. Объем годичной поставки будет выражаться... — Рамзей поиграл на калькуляторе, — одним и восьмьюдесятью миллионами тонн.

— Завод переварит? — На сухом, пропеченном солнцем лице Майкла появилось скептическое выражение.

— Это ему на один зуб. — Рамзей улыбнулся в усы. — Нам ни в коем случае не следует упускать такую возможность. Осилит годичную поставку, Хьюстон открывает нам заказ на пятнадцать лет. — Опять посмотрел в окно: прямое, как натянутый шпагат, шоссе на форт Уэрт, железнодорожные рельсы вдоль него отбрасывают острый, болезненный блеск, по выгоревшему небу чертит заходящий на посадку самолет. — Рамзей дернул рябоватый, как марокканский апельсин, щекой. — Упускать глупо.

Майкл поставил на столик бокал с шоколадным коктейлем.

— Абсолютно согласен. Более того, я уже продумал вопрос с поставщиком. Продумал и просчитал.

— И что же?

— Лучше всего брать нефть в России, не к Саддаму же идти на поклон. Русские цены по отношению к котировкам Лондонской биржи выглядят весьма соблазнительно. Надо торопиться, вдруг введут антидемпинговые пошлины.

Рамзей остановил его движением поднятой ладони — как запечатал.

— Что там у тебя есть по России?

Майкл поцокал на компьютерном пульте — на экране монитора высветился столбик фамилий.

— Это журналисты, аккредитованные в Западной Сибири.

Рамзей понимающе кивнул.

— На ком бы ты предпочел остановиться?

— Четвертый сверху. — Майкл щелкнул пальцем по строке, в которой значилось: «Покровский Виталий Родионович».

— Почему именно он?

— Я знаю его друга.

Рамзей удивленно поднял плечи.

— Откуда?

— В Монтерее я гостил на яхте своего приятеля. В заливе мы подобрали любителя водных прогулок, у его катера отказал мотор. Оказался русский физик из Санкт-Петербурга, эмигрант. Приятель мой — тоже физик, понятно, они разговаривались. Русского зовут Александр Любарский. Он упомянул о Покровском так, между прочим. Считаю, счастливый случай.

— И?..

— Я проверил — они действительно друзья.

— Проверил? Как?

— Через своих друзей в России. Они сумели привлечь ФСБ. Сотрудники этой организации не отказываются от любой возможности подработать. У них это называется х-хал-ту-р-р-ой, — осилил Майкл трудное слово. — Это не прежнее грозное и всесильное КГБ. Теперь его правильней было бы называть российским филиалом МОССАДа. — Майкл захохотал, демонстрируя отменного качества образцы металлокерамических поделок.

Рамзей неторопливо срезал у сигары кончик, понюхал, пустил пряный дымок.

— Почему ты считаешь, что надо действовать через журналиста?

Майкл не сдержал самодовольной улыбки.

— Использовать в качестве посредника русского предпринимателя не только нецелесообразно, но и опасно. Российский бизнес в основе своей криминален — строится на обмане, взятках или же силовых акциях. Вспомни, как погорели в России Рэй, Нэд и Рик. Их там, как русские говорят, кинули. Половину своих капиталов похоронили. Меня такая перспектива не прельщает. Предпочтительней действовать через интеллигенцию. Бизнес, коррупция и преступность в России нераздельны — это три головы дракона. Интеллигенцию от пирога оттерли, она вне игры, поэтому не избалована сумасшедшими дивидендами и привыкла довольствоваться малым. Журналист честно отработает свое, а назначенный ему процент, в пересчете на доллары, сочтет ошеломительным. Ты хорошо сэкономишь на посреднике. — На лице Майкла появилось выражение, какое обычно бывало, когда он отхватывал добрый кус от рождественской пиццы.

Рамзей чуть заметно кивнул и подставил лицо под струю из кондиционера. Его слегка раздражала многословность своего исполнительного директора, но она с лихвой окупалась его деловой хваткой и нюхом на людей.

— Каким образом ты предполагаешь связаться с Покровским?

Майкл задумчиво пожевал губами.

— Только не факсом, даже если он составлен в самых убедительных выражениях и подписан Любарским. Тоталитарные режимы с их неусыпной слежкой работали в русских синдром недоверия и подозрительности. Любарский с Покровским не виделись более десятка лет — срок вполне достаточный, чтобы журналист отнесся к факсу из Америки настороженно и проигнорировал его.

Рамзей кончиками пальцев пригладил широкие, будто наведенные углем брови. Обычно так он выражал недоумение. Майкл снисходительно посмотрел на него. В конце концов он имел на это право. Россия иррациональна, просчитать ее невозможно, там все наизнанку. Люди, выстраивающие в России бизнес в соответствии с его мировыми канонами и здоровой логикой, сгорали в одночасье. И в то же время иным дилетантам в России дико, фантастически везло наперекор здравому смыслу. А все оттого, что не надо стремиться Россию понять — ее надо ощущать, чувствовать. Майклу такое было дано, и перешел к нему этот дар, как он считал, от его русской бабки.

— Надо, чтобы Покровскому, помимо нашего письменного послания, устно передал его содержимое человек, которому он верит. Очень желательно, чтобы русский. В России врут все, документы — тоже. В них давно уже не верят. Поэтому у них и бытует выражение: заглянуть в глаза. Пришелся, значит, работаем.

Рамзей прищелкнул языком, как бы смакуя услышанное.

— Если я правильно понял, нужен человек, которого хорошо знают и русский физик, и Покровский. Или в равной степени ему доверяют, — сказал после непродолжительной паузы. — Этот человек освежит Покровскому память и восстановит кредит доверия к старому приятелю.

Майкл в знак согласия закинул ноги на журнальный столик.

— Именно так. В начале октября в Чикаго состоится всемирный фестиваль детских фильмов, там будут русские. У меня есть на примете конкретная кандидатура.

— И кто же тебе этого человека подарил?

— Все то же милое ФСБ.

— Фамилия?

Майкл посмотрел на него, как на песика, напустившего на ковер.

— Не будем торопить события. Следует все проверить и перепроверить.

Рамзей зашагал по кабинету. Грузная, облаченная в просторный палевый костюм фигура и легкая, кошачья поступь — несоответствие, могущее насторожить любого, но не Майкла. Уж он-то знал и о другом несоответствии: взгляд с тягучей ленцой и стремительный, хваткий ум, который и вывел его босса в лидеры техасских «нефтяных баронов».

— Хорошо. — Рамзей с хрустом вмял сигару в пепельницу. — Где предполагается их свести?

— Ну... — Майкл сделал неопределенный винтообразный жест, — призеры фестиваля премируются недельной поездкой на острова Карибского бассейна. Туда же мы доставим Любарского.

Рамзей недоверчиво взглянул на него.

— А что, твой русский будет призером?

— Обязательно! — весело ответил Майкл. — И первым.

— Ну раз так, мы заслужили право расслабиться, — сказал Рамзей со столь редко посещающей его лицо улыбкой.

— И что ты предлагаешь? — с живостью отозвался Майкл. Он знал, что босс его — выдумщик и мастак на неожиданные штучки. Расслабиться было самое время: второй день от перенапряжения ломило затылок.

— Свадьба голубых, мини-дискотека у трансвеститов, можно пойти по гетеросексуальной линии.

Майкл подмигнул.

— Последнее. Ты же знаешь, я — традиционник, стрэйт.

— О'кей, заметано! — Рамзей склонился к микрофону. — Крис, машину.

В лимузине, опустив на кончик носа солнцезащитные очки и приспустив узел галстука, он повернулся к Майклу. Глаза его, цвета высохшей нефтяной лужи, посмотрели требовательно.

— Целиком разделяю твою затею, ты будто мысли мои прочитал и первый их озвучил. Но, согласись, в Россию нас гонит не только хьюстоновский заказ.

Майкл откинулся на спинку сиденья.

— Верно, наша держава лишь с виду непотопляема и идеально экономически сбалансирована. На самом деле мы — вроде авокадо с выеденным термитными муравьями нутром. Снаружи аппетитный, а внутри — труха. Сколько мы еще подергаемся? Ну десять лет, пятнадцать от силы. Кризис уже сейчас дышит в затылок. Долги, недра истощены, работаем на заемных мозгах. Весь мир на нас окрысился: фундаменталисты, латиняне, Европа. Англия не в счет — блоха. А если Россия с Индией и Китаем выстроят стратегическую ось, то нам и НАТО не поможет: им на это НАТО только цыкнуть. Вот почему Россия тот буюк, за который надо крепко держаться. Кто этого сегодня не понял, тот завтра — не жилец. Россия — это титька, от которой мир кормится, и у титьки этой места скоро уже не будет.

— Зато сегодня такое место я тебе обеспечу у другой титьки, поближе. Розалинду помнишь? — Рамзей осклабился.

Майкл ощутил, как сладко застонала потаенная жила: у мулатки Розалинды горячая кожа, душистая и нежная, как у перезрелого персика. И вся она словно водоворот — кружит и затягивает.

Лимузин застопорил у бурлеска «Олимпия», на фасаде которого полыхало ледяное неоновое пламя: «Божественная Розалинда — для всех вообще и ни для кого в частности».

Так из щедрого и жестокого Далласа, города, «убившего президента», нефтяной барон Рамзей Назим, ливиец по происхождению, связавший свою судьбу со страной удачи, мыслью перемахнул Атлантику, пронесся над дряхлеющей Европой и полетел над пустынной одичавшей Россией. Перевалив Уральские горы, зашарил по нефтяным скважинам, которыми была изъязвлена Сибирская земля. С месячным опережением «пиявки развитого социализма» уже ощущал Майкл Харди, исполнительный директор фирмы «Спелл». Харди полагалось быть зорче босса и острее нюхом. За это ему шла персональная надбавка к месячному жалованью в размере четырех тысяч долларов. Мысль его, прокладывая боссу дорогу, летела за Урал по югу Европы. Над Ниццей она как бы споткнулась и на мгновение зависла. С чего бы это?

А с того, что во французских Сочи — Ницце на улице Бельгия, в отеле «Фландрия», крошечном и милом, заслоненном от уличной сутолоки могучими олеандрами, шел интересный разговор. Через плющ, увивающий оконные решетки, за пешеходными аллеями, густо обсаженными глициниями, просматривалась острая синева. Ветерок с моря нагонял в номер свежести, придававшей поданному кофе божественный привкус. Человек, сидящий за столом, был грузен и лицом, и туловищем, и задом, и умом. В лице его было что-то от амбарного замка. И от пятифунтовой гирьки в том лице — тоже что-то было. Хорошо бы ее — на сырмятный ремешок, раскрутить и по темечку: и-изых-ма! Для конспирации чуть переиначим его фамилию, пусть так и зовется — Белоликов.

Господин Белоликов Богдан Тарасович жил и работал с размахом. С размаху обрушился своим не по-мужски развалистым задом на хилое тельце российской экономики, и там только хрястнуло и хрустнуло. А обрушиться он обязан был по роду своей должности — правил службу в статусе премьер-министра. А кроме того, держал на своих могучих плечах российскую газовую империю. Белоликов сидел, широко разведя в кресле мясистые ляжки, напряженные ноздри жадно пили запахи дорогой жизни, глазки за высокими лужеными скулами посверкивали хитро и добродушно. За границу он обожал, особенно этот душистый уголок Средиземноморья. Поворочать из-за кордона делами с помощью мобильного телефона спутниковой связи было для него в охотку — как веником себя на полке отходить. Силищу начинал в себе чувствовать.

— Ну, дык, — покосился господин первый министр самого бестолкового, но зато самого прозорливого в мире правительства на сидящего от себя по правую руку человека.

То был черный, как уголек, сухопарый молодой человек, не без изящества одетый, с повязанной вокруг шеи на парижский манер косынкой. Уж какими сквозняками его задуло в кремлевские коридоры — никому не ведомо. Выскочил, как чертик из табакерки. Да и надо ли знать? Не хуже и не лучше прочих в кадровом отстойнике, воспринявших устав послушания, как молитву. Кормился в должности пресс-секретаря вышеупомянутого правительства, должности, понуж-

дающей к расторопности и обязанности знать все. Он и знал. Фамилия его в угоду той же конспирации пусть будет, ну, скажем, Суржиков.

— Официально приватизация крупнейших оставшихся не у дел предприятий будет объявлена 25 марта, — доложил Уголек.

— И «Обьнефти»? — кинул на него настороженный взгляд премьер.

— В первую очередь, — ответил восточный человек при Российском правительстве.

Оба выжидательно посмотрели на третьего, чуть сутуловатого, лысого человечка со страдальчески-вопросительным напряжением лобных морщин и собачьей виноватостью во влажных, с притушенным жаром глазах. Он носил скромную, не без благородства фамилию — Ольховский.

— Это хорошо, — одобрил он хрипловатым с беглым пришептыванием голосом. — Тем более что в «Уйгурнефтегазе», дочернем предприятии «Обьнефти», уже четыре года функционирует Зырянское месторождение, самое молодое и самое перспективное в Западной Сибири. Помимо высоких мощностных показателей, оно обладает самой высокой калорийностью из всех нефтеносных районов Западной Сибири. Не нефть, а чистый бензин, ведерком черпай и заправляйся. Кувейт! — потирая волосатые ладони, задребезжал, словно пущенная по бумажкам консервная банка.

Господа Белоликов и Суржиков охотно посмеялись. Еще бы, тон беседы задавал не только автотеленефтемагнат, но и человек, фактически приватизировавший Россию, президент де-факто. Деньги сами по себе могущественны. Но Ольховский обладал не только талантом их зарабатывать. Он был их повелителем и укротителем, умел заставить их работать. Следовательно, он был могущественен вдвойне. Не деньги над ним имели власть, но он над ними. Они его интересовали как эквивалент власти. Трезвый игрок, рискованный, авантюрный, гениальный интриган, он был чужд убогих человеческих страстишек. К особнякам на Косто-Браво, скаковым конюшням, гардеробам от Ферре и личным автомобильным паркам он был абсолютно равнодушен, хотя все это у него было. Двигать по политическому полю фигурки, мнящие себя игроками, доставляло ему наслаждение, соизмеримое по глубине и остроте разве что с утренней затяжкой опиума. А держать в кулаке попискивающие и побряхтывающие народы было упоительно, как парение. Поэтому, можно сказать, Ольховский не жил, а парил. И ценил в этом сладостном парении каждую минуту.

— А как же послание президенту мятежного питерца? Титов, кажется? — спросил премьер как бы самого себя.

— Совершенно верно, — с готовностью подтвердил Суржиков, — Юрий Сергеевич.

— Оно выдержано в высоком публицистическом тоне, приведены убедительные доводы, и к тому же подкреплено подписями авторитетных лиц. — Ольховский склонил голову. — С этим нельзя не считаться, а?

Суржиков опустил долу рачьи глаза. Белоликов ответил своей знаменитой ухмылкой, в которой он словно приоткрывался, как сундучок, предлагая заглянуть в свою суть. Но очень ненадолго. Были в той короткой ухмылочке стыдливость, конфуз и трусоватость наглеца.

— Теперь уже можно, — сказал он своим натужным голосом. — Президент из-за нездоровья не успел ему ответить. — Поозирался. — А теперь и вообще нет смысла отвечать в связи с безвременной кончиной Титова. — Жестом иллюзиониста извлек откуда-то из-под рукава просторной рубахи газету, передал собеседнику.

Ольховский перечеркнул статью взглядом — «СМЕРТЬ ФИНАНСИСТА. Партийная элита теряет людей... Агентство журналистских расследований» — в лице его собралась вселенская скорбь. Горестно раскинул руки, покачался.

— Ай, ай, ай! Такой талантливый, ин-тел-ли-гент-ней-ший ч-че-ло-век! Ай, ай, ай!

— Умнейший! — вздохнул Суржиков.

— Добрейший! — добавил Белоликов.

Не сговариваясь, словно по знаку невидимого режиссера, выдержали траурную паузу.

— Санкт-Петербург, безусловно, подтверждает свое право называться криминальной столицей России, — известил пресс-секретарь тоном телеведущего и, выдернув из заднего кармана «бермуд» другую газету, развернул ее на столе для всеобщего ознакомления.

— «Трагическая смерть директора финско-российской компании «Хейно»... — урвал из текста Белоликов. Привычно состроил постную мину. — Ешкин кот, жуткое время!

Ольховский побегал глазами по строчкам.

— Еще один! — И в упор посмотрел на премьера. По лицу того коротко полоснула знакомая усмешка. Показалось? Президент де-факто посмотрел снова. На лице первого министра уже воцарилось привычное выражение угрюмой озбоченности. Рабочее выражение. Ольховский восхитился его умению владеть собой. — Скорбим, скорбим, — пробормотал олигарх.

У пресс-секретаря ресницы бросили на скулы траурную тень.

— Кандидатура на его место есть? — оборвал поминальную паузу Ольховский.

— Белоликов Семен Тарасович, — отчеканил Суржиков.

— Брат? — требовательным взглядом Ольховский сдернул с лица первого министра великопостное выражение.

Тот расплылся.

— Брата-а-ан.

Ольховский с минуту рассматривал кончики ногтей.

— Это хорошо!

— ТЭК не зарубил бы, — заосторожничал пресс-секретарь.